

ИГРУШЕЧКА

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

Л. ВЕЙМАЛЬ. Гр.

Цѣна на годъ съ дост. . . . 6 р. — к.
 безъ дост. . . . 5 » — »
 На полгода. 3 » 50 »
 На три мѣсяца. 2 » — »

Редакція: Малая Подъячская, д. 4, кв. 16.

СОДЕРЖАНІЕ: I. Нашъ Югъ. Гл. VII. Окончаніе.
 С. Лаврентьева. — II. Гриша. Разсказъ. Окончаніе.
 О. Шмидтъ. — III. У Пруда. А. Коваленская. —
 IV. Котята. С..

НАШЪ ЮГЪ. *)

ОКОНЧАНІЕ.

VII.

Алупка.

МЕЛАЯ посѣтитъ еще третье имѣнье—Алупку, принадлежащее князю Воронцову, нѣсколько отдаленное, мы поѣхали дальше. Алупка лежитъ по одной линіи съ двумя первыми имѣньями. Доѣхавъ до первой почтовой, подлѣ Ялты, станціи Мисхоръ, мы стали

*) См. № 11 „Игрушечки“.

спускаться особой дорогой вниз. Дорога извивалась среди цѣлаго моря зелени рощъ, фруктовыхъ садовъ и виноградниковъ, то открывая намъ роскошныя зданія Алупкинскаго имѣнія, то становя насъ лицомъ къ лицу съ гигантскими горами, близко подступавшими тотчасъ за шоссе, надъ ними царилъ великанъ Ай-Петри, съ его обнаженными, неприступными, будто крѣпость горныхъ духовъ,—зубцами, а въ ясномъ небѣ, надъ ними плавно парили орлы.

Описать подробно всѣ зданія дворца Алупки и окружающаго его сада—почти невозможно;—это какой-то сказочный дворецъ царства фѣй, въ родѣ тѣхъ волшебныхъ дворцовъ, о которыхъ читаешь въ „Арабскихъ сказкахъ изъ тысячи и одной ночи“!

Онъ построенъ въ чисто-мавританскомъ стилѣ, напоминающимъ въ нѣкоторыхъ частяхъ знаменитую Альгамбру *), весь изъ сѣро-зеленаго мрамора, цвѣтъ котораго чудно сливается съ окружающими его зеленью и скалами. Передъ вами масса мраморныхъ украшеній на окнахъ, въ зубцахъ стѣнъ и башенъ, легкихъ трубъ, галлерей и балконовъ,—все это изящное, безо всякой пестроты и гранціозное, какъ окружающая ихъ природа. Эти оригинальные дворики, то узкіе, полу-мрачные, какъ корридоры, съ стройными аркадами, то широкіе, свѣтлые, съ двойными воротами, густо обвитыми цѣпкой зеленью. Иногда высокая стѣна такого дворика сплошь покрыта зеленью, ниспадающею легкими гирляндами; выше—взоръ теряется въ массѣ прихотливыхъ башенъ, террасъ, переходовъ и куполовъ. А какъ хороши эти чисто восточныя террасы, оплетенныя густотой ползучихъ растений. Тутъ и цѣпкая глицинія, съ пышными, сильно душистыми, кистями лиловыхъ цвѣтовъ, и миниатюрная выющаяся роза байксія и упоительно-ароматная каракалла. Тайственный полумракъ царитъ на этихъ террасахъ, уставленныхъ мягкими диванами и роскошными мраморными статуями, выглядывающими изъ-за пестрыхъ цвѣтовъ и тихо журчащихъ фонтановъ, нисбѣгающихъ въ рѣзной бѣлый мраморный бассейнъ.

*) Альгамбра, великолѣпный дворецъ, находящійся въ Испаніи, въ городѣ Гренадѣ, построенный маврами во время ихъ владычества въ Испаніи.

Вокругъ дворца идутъ рощи магнолій, красивыхъ деревьевъ, съ большими глянцево-блестящими листьями и огромными бѣлыми, сильно-душистыми цвѣтами. Померанцевыя рощи смѣняются рощей гранатовыхъ деревьевъ, съ ярко-пурпуровыми цвѣтами, приносящими затѣмъ круглые плоды съ толстой кожурой, наполненные внутри множествомъ прозрачныхъ алыхъ сѣмянъ, очень пріятнаго, прохладительнаго вкуса. Алука отличается наиболѣе теплою мѣстностью южнаго берега, по своему положенію по близости горъ, совершенно защищающихъ ее отъ сѣвера. Въ Алуцкѣ созрѣваютъ тѣ плоды, которыхъ нѣтъ или мало въ другихъ мѣстахъ южнаго берега; тамъ цѣлыя плантаціи оливковыхъ деревьевъ, лучше вызрѣвающихъ, чѣмъ гдѣ либо.

Этимъ прелестнымъ паркомъ, спускающимся уступами къ морю, еще не все ограничивается. Выше находится паркъ, гораздо обширнѣе нижняго, въ противоположность нижнему, гдѣ чудная природа идетъ объ руку съ искусствомъ,—верхній плѣняетъ естественной прелестью. Его вѣковыя деревья, обхвата въ три—опутаны лианами. Въ зеленой гущѣ спутанной травы и кустарниковъ брызжутъ шумныя каскады, среди дикой природы блестятъ небольшіе пруды. Тамъ—мрачныя гроты и каменные хаосы, обвитые плющемъ; или извилистые, темныя переходы между скаль,—и все это до того заманчиво, таинственно и красиво, что такъ и манитъ все дальше въ глубь, подъ эту темную, тихо-шепчущую сѣнь, прохладную и ароматную.

Массандра.

Осмотрѣвъ примѣчательныя мѣста этой стороны, — намъ осталось, на другой день, посѣтить ближайшую къ намъ часть, лежащую между Ялтой и Алуштой, и начали съ гротовъ верхней Массандры (принадлежащей тоже князю Воронцову, самому богатому изъ землевладѣльцевъ южнаго берега). Вотъ, передъ вами высится цѣлый хаосъ острыхъ камней, нагроможденныхъ одинъ на другой, въ самыхъ прихотливыхъ положеніяхъ, будто наброшенныхъ шаловливой рукой разыгравшагося гиганта. Этимъ страннымъ положеніемъ камней, образовавшимъ внутри, кое-гдѣ, природныя гроты

и извилистые проходы, воспользовался богатый хозяинъ и подъ умѣлой рукой рабочихъ, природныя трещины и переходы преобразились въ лабиринтъ преинтересныхъ, таинственныхъ ущелій, гротовъ, пещеръ и подземелій.

Кое-гдѣ проломали новые ходы, кое-гдѣ расширили натуральные, или приподняли новый угрюмый сводъ. Тутъ подкрѣпили, тамъ понадѣлали извилистыхъ лѣсенокъ, спускающихся внизъ, въ темныя прохладныя подземелья, отъ холодныхъ стѣнъ которыхъ, покрытыхъ темнымъ мхомъ, отдаетъ сыростью и влагой. И вотъ, то поднимаясь, то спускаясь, вы бродите изъ одного перехода въ другой, то приходя въ красивый гротъ изъ желтоватыхъ камней, сводъ котораго образуетъ громадный плоскій камень, который, кажется, едва касается къ боковымъ, подпирающимъ его скаламъ и, при малѣйшемъ движеніи, готовъ свалиться и придавить васъ безпощадно;—но, не пугайтесь; оно виситъ такъ десятки лѣтъ, и провиситъ вѣроятно еще долго! У одного изъ отверстій грота пріютилась кудрявая осинка и, трепеща листочками, любопытно заглядываетъ въ него. Яркое небо синѣетъ межъ трещинъ камней, а внизу сіяетъ черная, какъ ночь, пропасть, куда вы осторожно спуститесь, по скользкимъ ступенькамъ и очутитесь въ мрачномъ, извилистомъ подземельи; въ одномъ изъ углубленій этого ущелья устроена глубокая ниша, съ каменной скамьею по стѣнѣ и съ большимъ, изъ стѣны же высѣченнымъ, выпуклымъ крестомъ. Эта пещера называется „кельей пустытника“ и надобно заранѣе запастись спичками и огаркомъ свѣчи или фитилемъ, чтобы освѣтить себѣ путь въ эту темную нишу.

Пріятно послѣ темноты и сырой прохлады очутиться опять на вольномъ воздухѣ, подъ голубымъ небомъ, гдѣ-нибудь на площадкѣ съ диванчикомъ, надъ которымъ наклонилось веселое деревцо кизиля, съ его алыми плодами. Прямо передъ вами висится будто крѣпостная обнаженная скала, кое-гдѣ покрытая гирляндами плюща, внизу, подъ лѣстницей тянется узкій корридоръ, межъ двухъ каменистыхъ стѣнъ, изъ расщелинъ которыхъ выглядываютъ букеты разнородныхъ папоротниковъ и снова гроты и переходы и опять площадки съ веселымъ видомъ и ароматомъ горъ.

Никитскій садъ.

Другая примѣчательность этой части Крыма, — „Ботаническій Никитскій садъ“, гдѣ собраны всѣ крымскія растенія, и многія и изъ заграничныхъ болѣе теплыхъ странъ, которыя привились здѣсь и переносятъ даже крымскія зимы на открытомъ воздухѣ, какъ прелестное дерево велинго-нии и довольно взрослая зонтичная пальма. Интересна рощица пробковаго дуба, съ его мелкой буро-зеленой листвою, различной отъ формы дуба обыкновеннаго, мелкими желудями и толстой пробковой корой на стволѣ; со ствола кору срѣзаютъ толстыми пластами и употребляютъ на пробки; послѣ чего она опять возобновляется.

Не исчисляя великолѣпныхъ экземпляровъ гигантскихъ платановъ, кедровъ и ясеней, упомяну только объ интересныхъ питомникахъ, въ которыхъ воспитываютъ молодыя растенія; гдѣ принимались разводить даже разныхъ породъ кактусы.

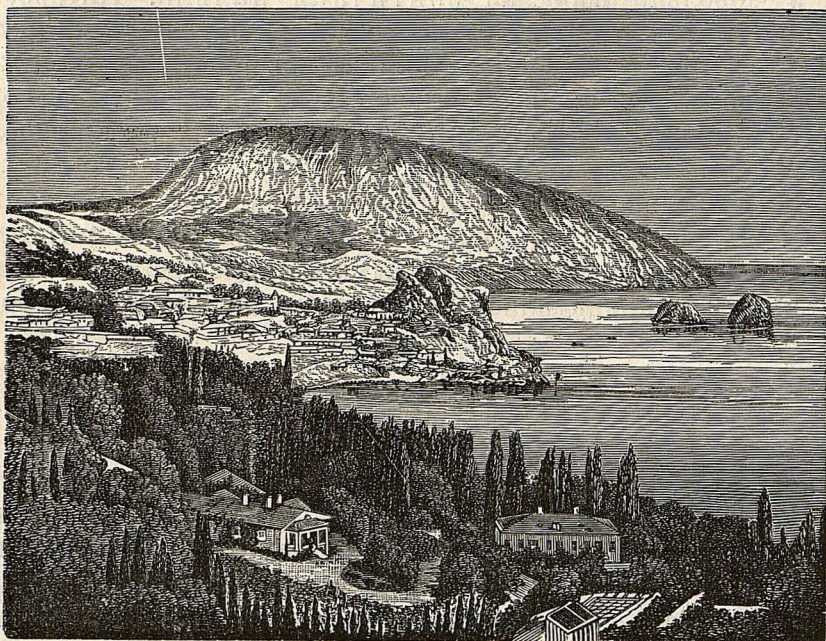
Гурзуфъ.

Оставивъ пестрые цвѣтники, ряды прелестныхъ магнолій и прочихъ крымскихъ и чужеземныхъ воспитанниковъ, отправимтесь дальше, чтобы посѣтить еще одно изъ замѣчательныхъ южно-бережскихъ имѣнй, именно Гурзуфъ, принадлежавшее недавно умершему сенатору Фундуклею, очень богатому и чрезвычайно доброму человѣку.

Если Ливадія, Оріанда и Алупка плѣняютъ роскошью и богатой фантазіей ихъ устройства, — то Гурзуфъ влечетъ къ себѣ удивительной уютностью, уютностью домашняго очага передъ роскошнымъ, изящнымъ салономъ.

Такъ какъ домъ съ садомъ лежатъ на берегу моря, то, чтобы достигъ до него, начинаютъ спускаться по особой дорогѣ, принадлежащей имѣнію, съ его великолѣпными, обширными виноградниками. Дорога эта, извиваясь, простирается на разстояніи полутора версты и подъ конецъ идетъ между двумя рядами непрерывныхъ высокихъ, старыхъ ки-

парисовъ. Все время вы любуетесь видомъ яркаго моря и, далеко выдающуюся въ него своей неуклюжей темной массой, горой Аю-Дагомъ (аю или ай—по-татарски святой, святая, дагъ—гора), которую нѣкоторые называютъ медвѣдь-гора, по сходству ея неуклюжей формы съ медвѣдемъ, наклонившемся къ морю, чтобы напиться. Святой же называютъ ее потому, что, по преданіямъ, древніе греки имѣли наверху этой горы храмъ, остатки котораго будто бы даже найдены впоследствии.

Г у р з у ф ъ.

А мы между тѣмъ уже спустились внизъ и, оставивъ коляску у воротъ сада, вошли въ него. Домъ помѣщика стоитъ въ самомъ началѣ сада. Это не громадный дворецъ, съ каріатидами и вычурными башнями, — это просто хорошій двухъ-этажный каменный домъ, съ широкой галлереей внизу и широкимъ балкономъ наверху, оплетенными ползучей зеленью, съ гигантскими пышными кипарисами по сторонамъ, кипарисами, превышающими далеко оба этажа дома, считающимися самыми высокими на всемъ южномъ берегу.

Эти высокіе, могучіе кипарисы дороги по воспоминанію, что ими не разъ любовался и сидѣлъ подъ ихъ длинной тѣнью, нашъ гениальный поэтъ Пушкинъ, который прожилъ тутъ лѣто 1820 года, въ семействѣ своихъ друзей Раевскихъ и сказалъ объ Гурзуфѣ:

Волшебный край, очей отрада!
Все живо тамъ: холмы, лѣса,
Янтарь и яхонтъ винограда,
Долинъ пріютная краса,
И струй и тополей прохлада—
Все чувства путника манить,
Когда въ часъ утра безмятежной
Въ горахъ, дорогою прибрежной,
Привычный конь его бѣжитъ
И зеленѣющая влага
Предъ нимъ и блещетъ и шумитъ
Вокругъ утесовъ Аю-Дага.....

Тутъ, подъ однимъ изъ его любимыхъ кипарисовъ,—который носитъ и теперь названіе „Пушкинскаго“ (такъ же какъ другой его любимецъ, громадный платанъ, тоже прозванный „Пушкинскимъ“) — нашъ великій поэтъ слагалъ свои прелестные стихи, въ которыхъ и воспѣлъ поэтическую красоту южнаго края!

Садъ, окружающій домъ—замѣчателенъ массой разнородныхъ цвѣтовъ и деревьевъ. Они содержатся въ превосходномъ порядкѣ и вездѣ имѣютъ ярлычки съ надписями ихъ названій. Среди изящно отдѣланныхъ клумбъ возвышаются стройныя юкки съ пышнымъ пучкомъ снѣжно-бѣлыхъ цвѣтовъ на вершинѣ. Подлѣ покачиваются золотисто-желтыя сережки поэнціаны, съ длинной пунцовой кистью тычинокъ. Душистые бѣлые цвѣты алоизіи льютъ свой нѣжный лимонный запахъ подлѣ нарядныхъ, почти древовидныхъ кустовъ лагестреміи съ ея ярко-розовыми, или свѣтло-фіолетовыми цвѣточками. Бархатныя бигоніи широко распустили свои расписные листья, а тамъ лѣзутъ вверхъ, на стеблѣ, чуть не въ ростъ человѣка, гигантскіе бѣлые колокольчики датуры, разливая сильный ароматъ.

Пока вы любуетесь цвѣтниками и осѣняющими ихъ красивыми деревьями, до слуха вашего долетаютъ голоса пѣвчихъ птицъ, въ которыхъ преобладаетъ звонкая трель канарейки. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, вы очутитесь передъ

большой вольеркой, или рѣшатчатымъ домикомъ для птицъ, въ которомъ воспитывается множество канареекъ и небольшое число чижиговъ, зябликовъ и пеночекъ. Весело порхаютъ онѣ по вѣткамъ находящагося въ вольеркѣ дерева, или прыгаютъ по песчаному полу, поклевывая обильно набросанныя всюду зерна, попивая свѣтлую водицу изъ своихъ посудинъ и наполняя воздухъ звонкими пѣснями.

Тотчасъ за вольеркой, тянется пергола, обвитая ползучей зеленою разнородныхъ тыквъ, плоды которыхъ то стелются по стѣнамъ, то спускаются съ потолка въ самыхъ разнообразныхъ формахъ; то висятъ будто длинныя зеленыя дубины, или затѣйливыя турецкія чалмы; то будто бутылки или пузатые графинчики; зеленые, желтые, оранжевые или на половину оранжевые, а на половину черные.

За цвѣточнымъ садомъ идетъ прекрасный паркъ, съ тѣнистыми аллеями густыхъ деревьевъ. А какія между ними есть превосходные кедры, каштаны, магноліи и платаны; и что за зеленая мягкая мурава покрываетъ лужайки! За стѣнами парка раскинулся, покрытый мелкими гальками, низкій берегъ, на него тихо набѣгало совсѣмъ спокойное море. Мы успѣли полюбоваться его вѣчно — новой красотой, да такъ и застыли отъ восторга при видѣ окружавшихъ насъ картинъ, озаряемыхъ заходящимъ солнцемъ.

Справа шли къ морю веселые, кудрявые склоны, сверкая свѣжей зеленою рощею и виноградниковъ, будто разукрашенные и принаряженные на праздникъ; слѣва — на высококомъ обрывистомъ берегу раскинулась деревня Гурзуфъ, съ ея саклями, пестрыми дачами и мечетью наверху; съ купами стройныхъ, высокихъ тополей. За деревней, будто стѣна, поднимались оригинальной формы, слоистыя, совсѣмъ обнаженные скалы, у самаго конца деревни онѣ превращались въ неприступный обрывъ, на вершинѣ котораго виднѣются развалины древней генуэзской крѣпости; подножіе же обрыва спускается къ морю, оканчиваясь мрачными столпившимися скалами, среди которыхъ льется источникъ прѣсной воды. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ этихъ темныхъ, непривѣтливыхъ скалъ, вдругъ, ни съ того, ни съ сего, выдвинулись изъ воды два громадные бѣлые камня и рѣзко рисуются своей бѣлизной на яркой лазури моря; а тамъ, далеко-далеко выдался въ морѣ неуклюжій Аю-Дагъ, цѣликомъ отражаясь на водѣ, принявшей у его береговъ ярко-зеленый цвѣтъ.

Прозрачный воздухъ съ поразительной отчетливостью рисуетъ передъ вами далекіе предметы. Въ тишинѣ его не дрогнетъ верхушка кипариса и тополя. Завечерѣло слегка. Скрылось и солнце за горами. Позеленѣло море, окаймляясь каймой бѣлоснѣжной пѣны у береговъ. Темная гагара бойко ныряла, то появляясь на его поверхности, то, выгнувъ спинку и высоко подпрыгнувъ, снова исчезая въ водѣ, чтобы вынырнуть далеко, на другомъ мѣстѣ.

Фиолетовыя тѣни надернулись на море и окрестности. А мы все сидѣли, будто ждали чего-то отъ этой тихой, душистой ночи, которую скоро должна была озарить восходящая луна и повторяли вмѣстѣ съ безсмертнымъ Пушкинымъ:

И бездыханна и тепла
Нѣмая ночь. Луна взошла.
Прозрачно—легкая завѣса
Объемлетъ небо. Все молчитъ,
Лишь море Черное шумитъ...

С. Лаврентьева.

ГРИША.^{*)}

ОКОНЧАНИЕ.

VIII.

ВЪ ВЕЧЕРУ Гришѣ стало хуже. Онъ метался по кровати, звалъ мать, сестру, разговаривалъ съ Пахомомъ, продавалъ въ бреду спички — глаза стали какъ будто больше, ротъ полуоткрылся, жилы налились... Сидѣлка сбѣгала за сестрою а взяла Гришину здоровую руку, вынула часы и стала считать что-то.

— Что это она? спросила шепотомъ Марья у сидѣлки.

— Это кровь въ жилахъ считаютъ, какъ она, значить, бьется, скоро или какъ обыкновенно...

Сестра подумала, поправила ледъ на головѣ больного и послала сидѣлку за главнымъ докторомъ.

Добрый старикъ пришелъ минутъ черезъ пять. Онъ осмотрѣлъ руку, тоже сосчиталъ пульсъ, раскрылъ вѣки, осмотрѣлъ глаза, пощупалъ что-то у шеи, положилъ подъ плечо градусникъ, тоже посмотрѣлъ, потомъ обратился къ сестрѣ и сказалъ:

— Это кризисъ; мѣняйте ледъ, держите бѣлье наготовѣ, если покажется испарина, да и съумасшедшую рубашку—

*) См. № 11 „Игрушечки“.

кто знаетъ... Дальше Марья не разобрала, докторъ говорилъ тихо.

— Матушка, что же это съ моимъ Гришенькой будетъ? спрашивала она сестру, и холодный потъ выступалъ у нея на лбу. Что же это докторъ сказалъ?

— Ждите и молитесь, сегодня переломъ болѣзни — отвѣчала сестра. Она осталась въ палатѣ.

Какъ-то торжественно тихо было вокругъ больного; только и слышались его вздохи, его неясныя слова, его ворочанье. Марья стояла на колѣняхъ у его изголовья и горячо молилась, сестра сидѣла съ другой стороны кровати и часто мѣняла компрессы. Сидѣлка стояла въ ногахъ, безучастно вязала свой чулокъ и, кажется, дремала. Такъ прошло добрыхъ три часа. Было уже далеко за полночь. Жаръ не усиливался, больной сталъ затихать и, наконецъ, крѣпко уснулъ.

Сестра медленно поднялась и сдѣлала знакъ Марьѣ за нею слѣдовать. Онѣ вышли въ корридоръ.

— Онъ проспитъ, теперь, вѣроятно, долго; если онъ проснется въ поту, надо его сейчасъ же переодѣть, только пришлите за мною, это надо сдѣлать умѣючи, чтобы не застудить.

— Что же, матушка, лучше ли ему? боязливо допытывалась Марья.

— Нальзя еще навѣрное сказать, но я думаю, что полегчаетъ. Марья немного успокоилась. Она уже третьи сутки не смыкала глазъ и, присѣвши на стулъ, подлѣ больного, невольно задремала.

— Прилягъ, тетка, я теперь все одно, спать не буду, уговорила ее сидѣлка и уложила на сосѣдную кровать, которую закрыла сверху простынею, чтобы не помять бѣлья и одѣяла. Марья крѣпко уснула и долго въ палатѣ ничего не было слышно, кромѣ мѣрнаго тиканья часовъ, храпа да дыханья спавшихъ.

— Мама! почудился Марьѣ слабый голосъ Гриши. Она

вскочила и въ два шага была у постели. На полу ей попалась подъ ноги спавшая непробуднымъ сномъ сидѣлка, но ей было не до нея. Передъ нею лежалъ ея Гриша, живой, въ памяти и смотрѣлъ на нее и улыбался ей—Господи, счастливой матери казалось, что передъ нею открылся цѣлый міръ, въ эту минуту Гриша былъ ей еще вдвое дороже, еще вдвое ближе, онъ точно второй разъ родился для нея.

— Гришенька, золотой ты мой... съ радостными слезами говорила она, цѣлуя его лицо, голову, шею; но тутъ нечаянно рука ея скользнула по его мокрой отъ поту рубашкѣ.

— Эка я недогадливая, вѣдь онъ весь въ поту, надо сейчасъ за сестрою послать.

Она растолкала сидѣлку, та вскочила, какъ встрепаная.

— Нешто я спала? И въ правду спала! Какъ же это я?

— Ну да ладно, бѣги скорѣй къ сестрѣ, скажи бѣлье, молъ, мѣнять надо.

Пришла сестра, смѣнили осторожно, подъ простынею, бѣлье. Гриша молча давалъ все съ собою дѣлать—онъ былъ слабъ, но жаръ прошелъ и память возвратилась.

— Теперь, матушка, замѣтила сестра, будьте осторожны; не давайте ему много говорить, не говорите много и сами, каждый разъ, какъ появится испарина, посылайте за мной.

— Все сдѣлаю, сударыня, будьте покойны, говорила повеселѣвшая Марья.

Выздоровленіе пошло быстро; черезъ недѣлю Гриша уже былъ на „выпискѣ“, а еще черезъ три дня его выпустили изъ больницы. Рукою онъ еще худо владѣлъ—его пальцы надо было каждый день по нѣсколько разъ двигать и расправлять понемногу здоровою рукою.

Главный докторъ приказалъ имъ съ матерью явиться къ нему.

— Молодецъ Гриша, сказалъ онъ, трепля его по плечу, вотъ тебѣ на пряники—и сунулъ ему синенькую бумажку въ руку.—А вамъ, матушка, я скажу хорошую новость.

Отецъ той дѣвочки, которую вашъ сынъ спасъ отъ бѣшеной собаки, желаетъ позаботиться объ его дальнѣйшей судьбѣ. Вотъ вамъ его адресъ, сходите къ нему, онъ съ вами переговоритъ. Хозяинъ Гриши тоже нѣсколько разъ объ немъ справлялся и тоже принимаетъ въ немъ участіе.

Марья съ сыномъ. отправились.

IX.

Заключеніе.

Что сдѣлалось съ Гришей?—Его отдали въ техническое училище.

О семьѣ его, пока онъ учился, заботился дядя Пахомъ—Груню съ братишкой взялъ къ себѣ, а матери сѣискалъ хорошее мѣсто въ знакомомъ купеческомъ домѣ. Восемь лѣтъ прошли, какъ сонъ. Гриша вышелъ изъ училища съ хорошимъ аттестатомъ и сталъ дѣльнымъ механикомъ. По просьбѣ отца спасенной имъ дѣвочки, онъ скоро получилъ мѣсто на какомъ-то заводѣ и взялъ къ себѣ мать и сестру. Колька, девятилѣтній толстякъ съ розовыми, пухлыми щеками и лукавыми глазенками, учится въ школѣ и тоже думаетъ попасть въ то училище, гдѣ кончилъ свое ученье Гриша, только за него уже будетъ платить братъ, котораго, навѣрное, къ тому времени сдѣлаютъ главнымъ механикомъ. Они всѣ часто бываютъ по праздникамъ у дяди Пахома и тотъ иногда подъ веселую руку общаетъ оставить Гришѣ по духовному завѣщанію тысячекъ десять. Гриша всегда на это смѣется и отвѣчаетъ:

— У васъ, Пахомъ Ивановичъ, свои родные есть, я вамъ съ боку припека, да и Богъ съ ними, съ большими-то деньгами, еще, пожалуй, зазнаешься, а вотъ какъ своя голова на плечахъ, да руки здоровыя, такъ это всего лучше...

— Такъ-то такъ, только и деньги вещь хорошая, замѣчаетъ Пахомъ.

— Я до шальныхъ денегъ не падокъ, что зарабатываю, то мое,—а трудовая копѣйка всего милѣе.

И правда—къ чему Гришѣ большія деньги? Гриша малый дѣльный, работающій, онъ и теперь недостатку не терпитъ, а на заводѣ про него говорятъ, что со временемъ изъ него человѣкъ выйдетъ. Мать на него не надышется, съ сестрою онъ друженъ, братишку любитъ.—Такъ чисто, весело, свѣтло у нихъ въ квартирѣ—чего же еще?...

О. Шмидтъ.

У ПРУДА.

Посвящается Александрѣ Михайловнѣ
Марконетъ.

ЯГУШКИ — самое раздражительное племя на свѣтѣ; онѣ всегда и всѣмъ недовольны. Слыхалъ ли ты, какъ у того милаго пруда, заросшаго коричневыми султанами высокихъ тростниковъ, кричатъ онѣ на всѣ голоса и въ лѣтнія сумерки, когда потухающая заря освѣщаетъ воду, и въ знойный полдень, когда цвѣты обращаютъ къ солнцу свои благоухающія головки, и въ раннее утро, когда туманъ убираетъ съ проснушагося лѣса свои легкіе покровы. Ягущачье кваканье звенитъ по всѣмъ извилинамъ водъ, спокойно отражающихъ небесную лазурь. Эти безпокойныя творенія собираются стаями, и, вытянувъ головы, критикуютъ всѣ явленія природы, которая на это отзывается кроткой улыбкой. Пускай дѣти мои забавляются, говоритъ она, — и избалованныя дѣти выходятъ изъ себя. Но хорошо ей улыбаться на шаловливое поколѣніе, не такъ легко справиться съ нимъ

мелкому населенію уединеннаго пруда. Накричавшись до утомленія, задорное племя нападаетъ на слабыхъ, которыхъ не мало находится у берега. Для такихъ маленькихъ созданий какъ незабудки, растущія у воды, лютики, пріютившіяся въ канавкѣ, и ландышъ, распустившійся въ тѣни куста,—и самая маленькая лужица кажется цѣлымъ міромъ...

— Всякій долженъ жить и въ водѣ, и на землѣ! Всякій долженъ умѣть жить и въ жидкой, и въ сухой грязи,—вотъ это искусство, мы это умѣемъ, мы это умѣемъ! кричатъ лягушки на всѣ голоса. А вы ничего не умѣете, неподвижныя созданья! громче всѣхъ голосить толстая сѣрая, съ большими глазами на выкатѣ, помѣстившись на зеленой кочкѣ у воды.

— Мы умныя, а вы глупыя, вы ничего не умѣете! раздалось со всѣхъ сторонъ, тростники зашелестили крупными бархатными султанами, вода замутилась, на поверхности ея показалась жидкая грязь, и множество лягушекъ всѣхъ возрастовъ зашлепало изъ воды на берегъ. Общество собралось многочисленное и, повидимому, очень единодушное; всѣ кричали, повторяя одно и то же,—пока большая сѣрая, вытянувъ голову впередъ, заголосила: главное наслажденье жить въ жидкой грязи!—И въ густой! и въ густой! подхватило разгорячаясь молодое поколѣніе, и со свойственнымъ ему увлеченіемъ завозилось, — весь прозрачный прудъ встрепенулся и покрылся тиной; сонныя ивы, склонившія вѣтви, любясь на отраженіе бѣгущихъ облаковъ,—дрогнули, все перемѣшалось, и за минуту чистая и прозрачная поверхность превратилась въ какую-то коричневую жидкость, изъ которой выглядывали сотни лягушачьихъ глазъ.

Хлопъ!.. раздалось съ кочки, гдѣ блаженствовала большая сѣрая, и она тяжело шлепнулась на берегъ.

— А—глупыя-то цвѣтутъ,—опять цвѣтутъ! заквакала она сильнѣе прежняго, и черезъ минуту скромный кустъ былъ весь окруженъ негодующимъ населеніемъ пруда. Онъ въ смущеніи затрепеталъ своими блѣдно-голубыми лепестками.

— Судить ихъ, судить, — онѣ ничего не умѣютъ, без-
полезныя созданія, только и знаютъ, что цвѣтутъ! кричали
кругомъ.

Бѣдняжки просто не знали куда дѣваться, какъ быть
съ хорошенькимъ голубымъ цвѣтомъ, который выглядывалъ
изъ травы, озаренный солнцемъ.

— Чтожъ намъ дѣлать, вѣдь мы просто незабудки и
больше ничего не знаемъ! умоляющимъ голосомъ восклик-
нули онѣ наконецъ.

— Ха-ха-ха! ха-ха-ха! Онѣ просто незабудки! закри-
чали лягушки, — вотъ отвѣтъ! Кто васъ сдѣлалъ незабудками?
отвѣчайте на вопросъ, волновались раздраженные лягушки.

— Да мы не знаемъ, должно быть природа, залепетали
онѣ, — мы право же не виноваты, что родились голубыми.

— Онѣ незабудки, глупыя незабудки, — а что вы тутъ
дѣлаете, и почему вы голубыя? и зачѣмъ вы существуете?

— Да право же мы не знаемъ, должно быть, мы потому
голубыя, что постоянно смотримъ на небо, оно въ насъ от-
ражается, но мы этого не утверждаемъ... Оно такое боль-
шое, великолѣпное, что смотрѣть на него блаженство всей
нашей жизни...

— Сентиментальныя незабудки! онѣ смотрятъ на небо,
вотъ занятіе глупцовъ, — затрещали лягушки. Вы не умѣете
жить въ водѣ, вы не умѣете жить въ землѣ, и въ жидкой,
и въ густой грязи!

— Нѣтъ, нѣтъ, мы любимъ дождикъ, обрадовались бѣд-
няжки, мы любимъ и солнце, теплый лѣтній ливень... Солнце —
это красота и какъ оно лучезарно, когда природа, умывшись,
является послѣ грозы въ такомъ чарующемъ блескѣ...

— Красота, красота! Лучезарная природа!.. Ха-ха-ха!
онѣ только и знаютъ — красота да красота, а что это зна-
чить, — это ничего не значить! А солнце, къ чему солнце?
оно сушить грязь, очень его нужно! Съ корнемъ ихъ вонь!
съ корнемъ вонь! волновались лягушки — надо искоренять
эту глупость! Вся стая внѣ себя отъ злости зашлепала къ

бѣдному сжавшемуся кусту. Но въ эту минуту, изъ-подъ земли по толстымъ корнямъ вѣковыхъ деревьевъ пробѣжалъ какой-то гулъ, лягушки мгновенно смолкли.

— Вотъ расквакались!.. должно быть къ грозѣ! воскликнулъ бѣжавшій мальчикъ, лапти котораго, ударяясь о древесные корни, производили гулъ, напугавшій лягушекъ. Ишь вѣдь сколько ихъ развелось,—дай срокъ, управлюсь съ дѣлами, я васъ похлопаю!.. Мальчуганъ наклонился, схватилъ съ земли валявшуюся палку и пустилъ ее въ собравшееся общество,—лягушки градомъ посыпались въ воду. Притаившіяся подъ берегомъ, заслышавъ гулъ удалявшихся шаговъ, заныряли въ тростники.—Что взялъ; ничего не взялъ! мы и въ водѣ можемъ, каждый долженъ приспособиться къ обстоятельствамъ, заквакала большая сѣрая, украдкой выглядывая изъ-подъ свѣсившагося въ воду корня. Каждый долженъ!.. откликнулась другая по сосѣдству, по водѣ всюду захлопали пузыри. Бѣдныя голубыя малютки въ испугѣ прижались другъ къ другу, хотя онѣ нисколько не испугались мальчика, который взглянулъ на нихъ веселыми, ласковыми глазами.

— А, вонъ лютикъ разцвѣлъ, желтенькій точно солнышко, залепетала одна изъ голубыхъ, посмотрите что за прелесть его золотая головка.

— Лютикъ, лютикъ, ты точно солнышко, и, можетъ быть, какъ оно все знаешь и все видишь, Расскажи-ка, что намъ дѣлать?

— Я простой лютикъ, расту и раскачиваюсь на стебелькѣ и дальше этого ничего не знаю, на мою голову садятся бабочки и стрекозы, я ихъ раскачиваю и забавляю, пускай всякій дѣлаетъ свое дѣло, замѣтилъ желтый цвѣточекъ.

— А мы растемъ у воды, и каждая изъ насъ смотреть на небо, только разное, кто повыше, — тотъ прямо можетъ смотрѣть въ небесную глубь, а кто поменьше — смотреть въ воду, которая отражаетъ тоже самое небо, какъ въ зеркалѣ, да, кромѣ того, мы видимъ плакучую иву, подъ которой

мы всё сидимъ, и выходить все это вмѣстѣ такое чудесное, что весь день не устанешь смотрѣть. Но вѣдь мы больше-то ничего и не умѣемъ.

— Пускай каждый дѣлаетъ свое маленькое дѣло, мы и сами маленькіе, замѣтилъ лютикъ.

— А лягушки говорятъ, что надо умѣть жить и въ землѣ, и въ водѣ, что надо грязниться, сказала крупная, совсѣмъ синяя незабудка.

— Да мы и выходимъ изъ земли, а когда отцвѣтемъ, то опять въ нее возвращаемся, вода насъ освѣжаетъ въ знойное время, все это мы дѣлаемъ, какъ на учила насъ мать наша природа, а когда она велитъ намъ отцвѣсти и разсыпаться прахомъ, мы ее послушаемся и хорошо сдѣлаемъ. Мы не можемъ грязниться, мы отъ этого вянемъ, потому что вѣдь мы голубыя, со вздохомъ раскаянья сказала другая незабудка.

— И небо голубое, и оно также не можетъ загрязниться, и это тѣмъ лучше, какъ мнѣ кажется, сказалъ лютикъ. Я вотъ простой желтенькій лютикъ, даже и не голубой какъ вы, а я тоже не могу запачкаться, это мнѣ вредно, да посмотрите кругомъ: вонъ кукушкины слѣзки, онѣ стоятъ прямо и кланяются своими пестренькими головками въ отвѣтъ на то, какъ кукуетъ кукушка. А ландышъ, онъ и подавно не терпитъ грязи, на его молочной бѣлизнѣ не видно ни одной пылинки, для этого сама природа, выводя его изъ земли, окружаетъ плотной трубочкой сплотившихся широкихъ листьевъ, и когда стебелекъ вытянется кверху, стройный и прямой, какъ стрѣла, бѣлыя чашечки его распускаются, и распространяютъ такое благоуханіе, что сами бабочки приходятъ къ нимъ на поклоненіе, дивясь прозрачной чистотѣ прелестнаго созданья.

— Да, правда твоя, это такая прелесть, заговорили незабудки,—но то кукушкины слезки, съ цѣлымъ богатствомъ душистыхъ кудрей,—то ландышъ съ своимъ удивительнымъ ароматомъ, да и ты самъ какъ будто слетѣвшій съ солнца лепестокъ, а мы вѣдь простыя незабудки, мы совсѣмъ, со-

всѣмъ ничего не знаемъ и только можемъ любоваться чужой красотой, да къ тому же, какъ говорятъ лягушки,—мы сентиментальныя! Что это значить, мы даже не понимаемъ, но намъ все-таки ужасно стыдно передъ лягушками, которыя все умѣютъ,—онѣ говорятъ, что любоваться лучезарной природой—сентиментально, онѣ смѣются надъ ней, а какъ же намъ не любоваться, вѣдь въ ней все наше счастье!

— Да вѣдь природа-то и имъ мать! воскликнулъ въ негодованіи лютикъ, качнувъ головой, которая такъ и сверкнула на солнцѣ. Не слушайте ихъ, дѣтки, а посмотрите-ка лучше что тамъ вдали. Всѣ примолкли и съ вытянутыми головками внимательно смотрѣли вдаль.

Тамъ на горизонтѣ, сквозь перепутавшіеся сучья деревьевъ, молча поднималась изъ-за лѣса большая сизая туча съ серебрянымъ гребнемъ. Тишина настала такая, что ни одна травка не шевелилась, и у большой плакучей ивы нижніе листы какъ дотронулись до воды своими острыми кончиками, такъ и замерли въ этомъ положеніи. Прудъ былъ неподвиженъ; потемнѣвшая вода лежала огромнымъ зеркаломъ, въ которомъ беззвучно двигалось большое облако съ блестящимъ краемъ. Молчаніе было полное, нигдѣ не слышно ни одного звука. Воздухъ какъ будто замеръ, и въ этомъ полномъ затишѣ, гуще и сильнѣе слышался перемѣшанный запахъ цвѣтовъ, всѣ раскрытыя чашечки кадили безмолвный фиміамъ передъ началомъ какъ будто какого-то священнодѣйствія. Ландыши держались прямо, а незабудки не спустили глазъ съ неба.

Вдругъ раздался трескъ, ива взмахнула головой и всей массой своихъ вѣтвей, висящихъ на подобіе косъ, хлестнула по водѣ, зашумѣли дубы, въ старыхъ соснахъ раздался звенящій свистъ, закрутились травы и кусты, сизая туча разорвалась до края, и изъ ея серебрянаго гребня съ оглушительнымъ трескомъ вырвалась огненной переломленной стрѣлой молнія. Небо потемнѣло, и самая земля какъ будто дрогнула. У самого пруда, на берегу, старая деревенская цер-

ковъ освѣтилась голубымъ пламенемъ; тяжелыя, рѣдкія капли дождя захлопали по листьямъ, по дорогѣ закрутилась пыль, все перемѣшалось, солнце, казалось, потухло, и изъ середины разорвавшихся облаковъ, у лѣса спустилась голубоватая прозрачная пелена; съ грохотомъ надвигалось что-то огромное; снова сверкнула молнія, и разомъ вся окрестность зашумѣла проливнымъ дождемъ.

— Всякій долженъ умирать!... квакнулъ кто-то у берега, но ива снова хлестнула по водѣ своими мокрыми отяжелѣвшими вѣтками, и круглая голова, слабо пискнувъ, не договорила своей рѣчи и исчезла въ пѣнѣ разбушевавшагося пруда. Ливень стучалъ по желѣзной крышѣ старой церкви, съ ревомъ сбѣгала вода съ высокаго берега пруда, деревянные кресты на кладбищѣ, окружавшемъ церковь, стояли какъ будто окутанные прозрачными покровами. Незабудки приникли другъ къ другу, склонивъ головки надъ трепещущей бабочкой, которая зарылась въ самую глубь ихъ куста, и, сложивъ покорно крылья, ожидала смерти, вздрагивая нѣжнымъ бархатнымъ тѣльцомъ. Громъ грохоталъ, молнія каждую секунду какъ будто золотымъ серпомъ разсѣкала небо, дождь лилъ все сильнѣе и сильнѣе. Съ новой силой взмахнулъ вѣтеръ, вода хлынула, какъ бы прорвалась съ неба цѣлая рѣка, и вслѣдъ затѣмъ загрохотало что-то вдаль, куда уносились обрывки тучъ, подгоняемые вѣтромъ. Послѣ непродолжительнаго затишья, солнце выглянуло, и вся окрестность мгновенно засіяла огнями. Травки подняли головки, вѣтеръ отряхнулъ съ нихъ воду и понесся далѣе. Рѣдкія капли дождя съ хрустальнымъ звономъ ударили о пѣнистую воду пруда, который какъ будто тяжело дышалъ, оправляясь отъ недавняго испуга. Взглянули травки кругомъ, и дѣйствительно самая лучезарная красота представилась имъ повсюду. Природа сквозь слезы улыбалась своей любящей улыбкой каждой былинкѣ, и каждая былинка сквозь слезы отвѣчала ей тѣмъ же. Ландышъ стоялъ бѣлѣе прежняго и благоухалъ; умытый лютикъ, какъ червонное золото, сверкалъ своей лосня-

щейся головой. Въ кустѣ незабудокъ, какъ живая душа затрепетала спасаемая бабочка, и, отряхнувъ крылья, поднялась и закружилась въ солнечномъ лучѣ. Всѣ голубые цвѣточки ожили и улыбаясь смотрѣли своими дѣтскими глазами ей въ слѣдъ.

— Ну какъ? что у васъ? живы ли, голубушки? спросилъ лютикъ.

— Сами-то мы ничего, а вотъ, кажется, помяли бабочкѣ крылья, такъ мы ее бѣдную прижали, сказали незабудки.

— Нѣтъ, она летитъ вонъ ужъ далеко, успокоилъ ихъ лютикъ. Это вы хорошо сдѣлали, надо было спрятать бѣдняжку, она такая тонкая. А ко мнѣ пришла пчела, тутъ ее и застала буря, она всунула свой хоботокъ въ мою сокровищницу, чтобы напиться капелькой росы, вотъ она сухохонька, да еще и съ медомъ, кажется, полетѣла домой. А вы, кукушкины слезки,—что и какъ?

— Да у насъ ничего, пропасть мошекъ завязло въ нашихъ кудряхъ, и, кажется, всѣ онѣ сухи.

— Что-то ландышъ? Но въ эту минуту изъ-подъ широкихъ листьевъ ландыша, какъ прозрачное стеклышко мелькнула стреказа, за ней другая и третья, и цѣлое семейство, блестя на солнцѣ, какъ воздушные цвѣты, погналось догонять другъ друга.

— Ну, это хорошо, право же мнѣ кажется, что мы сдѣлали наше дѣло порядочно на этотъ разъ, сказалъ лютикъ.

— Да вѣдь мы бабочку-то помяли, мы такія простыя, ничего не умѣемъ, сказали незабудки.

— Сентиментальныя дуры! сентиментальныя дуры! заквакали лягушки, наглядѣлись ли вы на ваше небо, хорошо оно было, и съ огнемъ, и съ водой, и со всякой неурядицей.

— Смотрите какое оно стало опять, вѣдь это все сдѣлала наша мать, смотрите на всю эту новую прелесть.

— Ха-ха-ха, ха-ха-ха! хохотали лягушки, выскакивая изъ тины на берегъ, совершенно испачканныя грязью.

— Пойдите-ка, дѣтушки, я самъ разсужу, вдругъ раз-

далось изъ-подъ земли,—и изъ размытой дождемъ канавки, высунулась острая, слѣпая морда крота. Онъ былъ одѣтъ въ мѣховую шубку, и, высунувъ крошечныя лапки, покрытыя красными рукавичками, весь дрожалъ отъ холода.—Охъ-охъ-охъ! размыло весь мой домъ,—ворчалъ онъ себѣ подъ носъ, выбираясь изъ ямки наполненной водой.

Вдругъ откуда не возмись, застрекотавъ во всю мочь, съ самой верхушки ели, скатилась сорока, и, охорашивая свой зеленый хвостъ, бочкомъ подскакала къ кротовой норѣ, она покосилась круглымъ глазомъ на вылѣзающаго на свѣтъ Божій крота. Сорока эта была извѣстная вѣстовщица и любопытнѣйшее созданіе въ мірѣ.

— Что за диковинка, прелестнѣйшій иностранецъ! Я его еще и не видывала, застрекотала она, все ближе и ближе подскакивая къ норѣ. Но кротъ не обращалъ на нее никакого вниманія, это еще болѣе подзадоривало любопытную посѣтителницу: видя такое пренебреженіе къ своей особѣ, сорока быстро повернулась и, какъ будто тутъ только разглядѣвъ предметъ своего любопытства, отскочила назадъ.

— Въ бархатной шубѣ, и весь въ соболяхъ, розовыя перчатки! Сейчасъ видно молодаго человѣка большаго свѣта! воскликнула она.

Кротъ высунулъ слѣпую морду и наострилъ ухо. Сорока ждала привѣтствія.—И не молодой, и не человѣкъ, и не въ бархатной шубѣ, и не въ соболяхъ, а просто въ кротовой, за то своей собственной шкурѣ, а лапы какія нужно для загребанія всего необходимаго, да и не до разговоровъ теперь, огрызнулся онъ.

— Помилуйте, по перчаткамъ сейчасъ видно, я вѣдь только что со двора, защебетала неотвязная сорока,—но вы, можетъ быть, скрываете свое званіе, только не отъ меня, я сейчасъ вѣдь разбирала сорную кучу и тамъ нашла палецъ отъ розовой перчатки, но въ немъ завязъ кусокъ огурца, который мнѣ и былъ надобенъ, гдѣ же той перчаткѣ сравниться съ нѣжнымъ цвѣтомъ вашихъ, которыя составляютъ

такой пріятный контрастъ съ вашей,—ну, хоть бобровой шубой.

— Ну что еще! вѣдь говорятъ тебѣ, что я кротъ! снова огрызнулся онъ.

— А! понимаю, но я умѣю держать тайну, сказала, прыгнувъ бокомъ, сорока, и лукаво повела глазкомъ по направлению незабудокъ,—очень пріятно познакомиться, прибавила она, вильнувъ хвостомъ.

— Да уберешься ли ты наконецъ, неотвязная, всю землю обсыпала! закричалъ разсердившійся не на шутку кротъ.

— До свиданія! пискнула сорока, и, бокомъ проскакавъ по берегу, взвилась и полетѣла къ другимъ сорокамъ, издали слышалось ея торопливое стрекотанье: „прелестнѣйшій иностранецъ путешествуетъ инкогнито съ особенными цѣлями, весь въ бархатѣ и соболяхъ, кротъ вымышленная фамилія, а настоящая“... далѣе ужъ ничего не было слышно, извѣстія сообщались съ быстротою сорочьяго языка.

— Ну, провалилась наконецъ! къ дѣлу, о чемъ тутъ споръ? сказалъ кротъ.

— Да вотъ, дѣдушка, посмотри на это небо, на это солнце, на всѣхъ насъ, какія мы стали свѣженькія послѣ грозоваго дождя,—не правда ли, что это настоящая красота, устроенная для насъ самой нашей матерью природой?

— Красота? да гдѣ жъ она, покажите мнѣ ее, тыкался кротъ слѣпой мордой о мокрую траву.

— Ну, какъ же ты не видишь, посмотри на ландышъ, дѣдушка, посмотри какъ надъ нимъ вьются стрекозы съ прозрачными крылышками.

— Ничего этого нѣтъ, сказалъ кротъ, куда не сунься,—вездѣ одна вода, сырость, гадость, домъ мой размыло, вода да еще прехолодная, когда кроту это пуще смерти.

— Такъ чтожъ что вода, посмотри какъ она сбѣгаетъ по берегу пруда и пѣнится, посмотри на каждый листъ, вѣдь все это какъ будто осыпано алмазами.

— Гадость одна, заворчалъ кротъ,—слыхалъ я это, а ви-

дать не видалъ, такъ, пустыя бредни! и къ чему все это? Вотъ жить въ землѣ, которая порыхлѣе, да дѣлать запасы на зиму, чтобъ насытнѣе было, да чтобъ шуба была на плечахъ, ужъ не то что бобровая, какъ у иныхъ счастливецъ, а просто хотъ кротовая да сухая,—это дѣло, а къ чему ее, эту вашу красоту? Я за нее и гнилой рѣпы не дамъ.

— Дѣдушка, а дѣдушка, гдѣ у тебя глаза-то? закричалъ лютикъ, у тебя глазъ-то вѣдь нѣтъ.

— А на что мнѣ, глушые, глаза, когда я изъ земли ни на шагъ, глаза—это забава для пустоголовыхъ, смотрѣть нечего; а вотъ ѣсть такъ нужно, и шубу нужно, и домъ тепленькій тоже нуженъ.

— Да вѣдь это такъ для тебя, потому что ты отъ рожденія слѣпой, а мы не слѣпые, совсѣмъ разсердился лютикъ.

— Нечего вамъ дѣлать, вотъ вы и зѣваете по сторонамъ, а мнѣ не до разговоровъ, и озябъ, и промокъ насквозь,—охъ, охъ, охъ!.. ворчалъ кротъ, разгребая своей красной рукавицей у стараго пня кучку не успѣвшей промокнуть земли, и, продолжая ворчать, онъ сталъ погружаться въ выкопанную ямку, и влѣзъ въ нее совершенно.

— Что взяли? что взяли? заквакали лягушки.

— Еще бы, слѣпаго не увѣришь что есть дневной свѣтъ, сказалъ лютикъ.

— Да мы зрячія, чтожъ тутъ хорошаго-то? квакали лягушки.

— Бѣдныя они, бѣдныя, ничего не видятъ, какая это должна быть тоска, вздохнули незабудки.

— Глупыя вы, глушыя, сентиментальныя дуры, сказали лягушки, обозлясь совершенно. Лютикъ молчалъ отвернувшись.

— Сами тонкія, на тонкихъ же ногахъ, съ мѣста ни шагу, продолжали лягушки, всякій вѣтеръ ихъ треплетъ, изъ земли тянутъ сокъ, когда онъ есть, а когда его нѣтъ,—вянутъ, ничего не умѣютъ, ничего не понимаютъ, вотъ ужъ

слѣпцы-то, хоть бы на то посмотрѣли какія мы толстыя, такъ нѣтъ же, ну и толковать съ дураками нечего.

— Всякій долженъ приспособиться! заквакали онѣ въ хоромѣ въ изступленіи.—Къ своей грязи, къ своей грязи! вторило съ той стороны пруда разъяренное молодое поколѣніе.—А въ грязи-то червяки, мы ихъ ѣдимъ, и будемъ толстыя къ старости. Въ грязь влѣзешь еще въ дѣтствѣ сухопарый, а вылѣзешь въ совершеннолѣтіе въ полной красотѣ.

— Да замолчите ли вы, пучеглазья! закричалъ весь мокрый отъ дождя возвращавшійся домой тотъ же мальчикъ,—дайте срокъ, я васъ подшибу, и вѣдь къ самой-то паперти церковной лѣзутъ, облепили всю! и мальчуганъ, снявъ лапоть, запустилъ его съ размаха въ самую толстую кривую. Лапоть шлепнулся и весь расползся, края его такъ и вонзились въ размокшую землю, а большая сѣрая вдругъ очутилась въ собственномъ домѣ, покрытая съ головой, и напрасно старалась выскочить изъ-подъ давившей ее бересты. Мальчикъ беззаботно побѣжалъ далѣе, сбросивъ и другой размокшій лапоть. Его худенькія красныя ноженьки такъ и мелькали среди расказававшихся во все стороны лягушекъ.

Очутившись въ столь печальномъ положеніи, сѣрая дѣлала неимовѣрныя усилія, возилась, прыгала, скребла землю, приходила въ бѣшенство, какъ вдругъ не вдалекѣ раздался знакомый возгласъ: каждый долженъ уметь приспособиться!

А. Коваленская.

(Окончаніе будетъ).

КОТЯТА.

(Картинка).

~~~~~
Только мышка заскребеть
Гдѣ-нибудь зубами—
Коть-Мурлыка вдругъ блеснетъ
Грозными очами,—
Хитрый дѣлаетъ скачекъ
И хвостомъ поводитъ:
Въ страхѣ сѣренькій звѣрокъ
Отъ врага уходитъ...

ОНИ БЫЛИ премиленькіе шалуны,—бѣленькій и сѣренькій: ласковые глазки, нѣжныя мордочки, серебристые усы, бархатныя лапки... И сколько они доставляли намъ съ сестрой веселыхъ минутъ!... Бывало, по цѣлымъ часамъ любимся, какъ наши пріятели преуморительно прыгаютъ, ловятъ другъ друга за пушистые хвосты, или живо набросятся на случайно попавшуюся нитку, премило тянутъ ее въ разныя стороны — согнуть спинки, распустятъ хвосты трубой — скачутъ, кувыркаются... Нѣтъ силъ не расхохотаться,—и мы хохочемъ съ сестрой, и тоже примемся бѣгать и ловить другъ друга; а они какъ нарочно шмыгаютъ подъ ногами... Для насъ эти веселые котята были лучшими друзьями, особенно въ

скучные осенніе и зимніе дни... Но вотъ настала свѣтлая весна, заиграли яркіе солнечные лучи—и все ожило... Потянулись горожане, кто могъ, на дачи.—Вскорѣ и мы съ сестрой уже бѣгали по песчанымъ дорожкамъ загороднаго парка. Наши маленькіе друзья остались въ городской квартирѣ,—на дачѣ все окружающее такъ заняло насъ, что мы почти забыли о своихъ веселыхъ пріятеляхъ... Прошло теплое лѣто въ пахучей зелени своимъ чередомъ—и опять мы двинулись въ скучный городъ. Вотъ предъ нами тоже что было осенью и зимой и тѣже комнаты,—обѣжали ихъ, все на своемъ мѣстѣ, какъ и прежде... А—гдѣ наши котята?! Ихъ и слѣдъ простылъ... Ищемъ, спрашиваемъ,—никто и ничего не знаетъ. Пристаемъ къ старой нянѣ...—„Няня, милая, скажи — гдѣ они, что съ ними, — ты оставалась въ городѣ“?..

И старая няня потихоньку рассказала намъ, что съ котятами случилась бѣда... Какъ все вышло, сообщу по порядку...

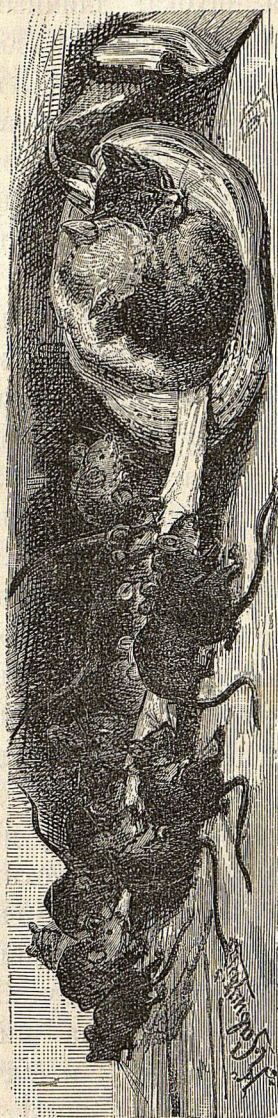
Когда пришла весна — мы стали съ сестрой ходить въ ближайшій скверъ. Сестра, возвращаясь съ этихъ прогулокъ, часто бросала шляпу куда попало—на стулъ, на столъ или на окно... Посмотришь вечеромъ,—котята уже забрались въ эту мягкую постельку, свернулись клубочками и спятъ себѣ мирно... Уѣзжая на дачу, сестрѣ купили новую шляпу, а старую она такъ и забыла на окнѣ... Вотъ, однажды, вечеромъ котята, по обыкновенію, найгравшись досыта, забрались въ шляпу и, свернувшись въ клубокъ, забылись сладкимъ сномъ... Окно было отворено; ночь была свѣтлая лунная,—вѣтерокъ ласково навѣвалъ на спящихъ шалуновъ веселыя грезы... Въ комнатѣ тихо, пусто: два-три стула, старое кресло, маленькая скамеечка прижалась къ ножкѣ стула, въ тѣни, — все это, казалось, дремало облитое блѣднымъ свѣтомъ луны, тихо бродившей по чистой голубой выси... Но вдругъ что-то зашуршало въ углу, около двери,—и опять затихло... Изъ щели показалась розовенькая мордочка и засвѣтились два

глаза,—мордочка повернулась направо, налѣво, обнюхала.— тихо, нѣтъ опасности... Ш-ш-урь!.. и изъ угла шмыгнулъ стрѣлой крохотный звѣрокъ—сѣренькая шубка, длинный тонкій хвостъ вился змѣйкой, замечая путь робкаго со-зданья... Это былъ мышенокъ. Вотъ онъ мечется и туда, и сюда,—нюхаетъ—нѣтъ ли чего съѣстнаго?.. Прыгъ на скамейку, скокъ на стулъ, шмыгъ — на столъ — уши насторожилъ — прислушался — спокойно..! Глядь: ужъ нюхаетъ на окнѣ... Ба, котята!.. и какъ сладко спать!.. Пошевелилъ лапкой шляпу, —ни-гу-гу!.. не поднимають головы... Мышенекъ повертѣлъ хвостомъ, покрутилъ мордочкой—опасности нѣтъ; посмотрѣлъ за окно... — „Вотъ, счастливая минута раздѣ-латься съ дѣтками важныхъ пушистыхъ враговъ пока малы, подростутъ и отъ нихъ не будетъ покоя всему нашему под-полью!..“ мелькнуло въ маленькой головѣ зоркаго мышенка... Сердце замерло, кровь прилила къ головѣ, дрожь пробѣжала по тѣлу, и онъ мигомъ бросился тѣмъ же путемъ внизъ... Не чуя ногъ подъ собою, едва переводя духъ отъ волненья, мышенокъ юркнулъ въ подполье и, пролетая по своему го-роду, пицалъ на разные лады, сзывая и старыхъ, и малыхъ, заснувшихъ и бодствующихъ еще надъ пожелтѣвшими ли-стами старыхъ проточенныхъ книгъ,—онъ звалъ друзей, род-ныхъ и знакомыхъ мышей и мышатъ въ общій кругъ, — и все сѣрое бѣдное мышиное подполье бросилось къ нему на голосъ, шмыгая со всѣхъ сторонъ... И вотъ десятки—сотни окружили его, проталкиваются, лѣзутъ, чего-то ждуть; а онъ, ставши на заднія лапки—глаза горять, весь дрожить и пи-цить съ разстановкою: „Друзья и братья!.. Настала минута... Понимаете, настала минута... Слышите-ли... Настала ми-нута!.. Врагъ нашъ спитъ и видитъ сладкія грезы!.. и такъ удобно... на краю страшной пропасти... на высокомъ окнѣ!..“ О-о-о!.. запищали двѣ-три молоденькія мышки...—Т-съ!.. слу-шайте его!.. раздался пискъ старыхъ мышей... — „Да, онъ спитъ на окнѣ!..“ опять затанулъ взволнованный мышенокъ... „Не будемъ же дремать и дружнѣй его захватимъ—и мигомъ

столкнемъ за окно... Тамъ страшная пропасть,—я все оглядѣлъ, гибель несомнѣнна!..“ Тутъ ораторъ обмахнулся лапкой

и опустился на какой-то камешекъ на широкой подпольной площади,—у него закружилась голова и онъ тяжело дышалъ... Двѣ-четыре мыши пустились было возражать:—„А ну—какъ онъ, Котофей Котофеевичъ богатырь Мурлыка да проснется—неровень часъ—не быть вамъ въ живыхъ, — пересчитаетъ многихъ, только косточки захрустятъ...“ Тутъ опять поднялся мышенокъ - затѣйщикъ: — „И-и!.. да что вы, милые тетушки!. Это вѣдь не самъ, а его малые выучатки... Самого нѣтъ дома... онъ въ отъѣздѣ!..“ — Ой-ли?! — „Вѣрно; я все разузналъ доподлинно!..“

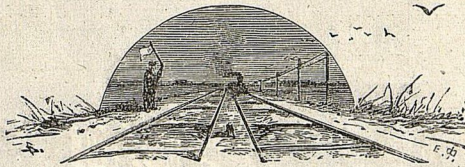
И собрались мыши гурьбой, и повалили тихохонько гуськомъ: чуть дыша двигались онѣ по комнатѣ, прошмыгнули на окно, окружили шляпу со всѣхъ сторонъ и, по командѣ вожака, поднявшаго высоко длинный хвостъ, дружно вцѣпились острыми зубами въ ленту шляпы, потянули разомъ, другія толкали съ боковъ и чуть-чуть подъ шелестъ вѣтерка затянули: — „Пошла... са-ма и-детъ... Еще разикъ... еще разъ!..“ Бухъ... Шляпа закружилась, а за ней закружились въ сонномъ воздухѣ затѣйщикъ-мышенокъ и нѣсколько его друзей,—

раздался отчаянный пискъ, тяжелые шлепки... Дремавшій у воротъ дворникъ вздрогнулъ... — „Съ нами крестная сила!.. Что это?!..“ пробормоталъ онъ, лѣнливо поднимаясь... Видитъ два котенка съ распушенными когтями стоятъ въ

сторонкѣ, одинъ отъ другаго въ приличномъ разстояніи, озираясь въ недоумѣніи, не въ силахъ двинуться съ мѣстъ,— между ними какая-то старая шляпа — и кругомъ мертвыя мыши и мыши... Онъ взялъ котятъ къ себѣ; они прихрамывали то на ту, то на другую ногу, — но день за день все прошло,—и опять живо запрыгали по старому наши пріятели...

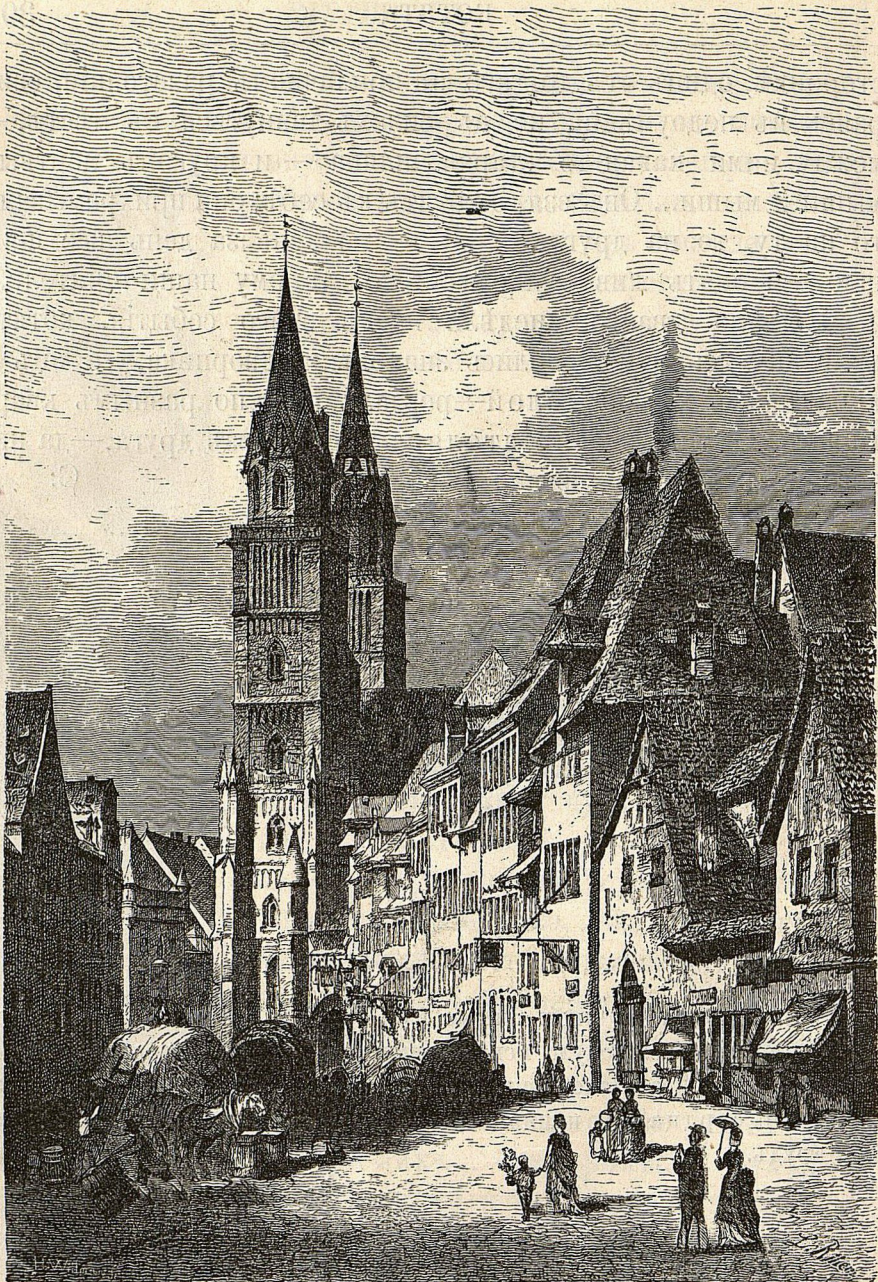
Прошло два-три недѣли послѣ этого событія, котятъ приглянулись и полюбились знакомымъ дворника,—а онъ и и радъ—съ хлѣба долой—роздалъ ихъ по разнымъ квартирамъ. Скучненько пріятелямъ другъ безъ друга,—да ничего не подѣлаешь: всяко бываетъ... С:

Р. S. Полученное мною письмо изъ Бузулука только съ подписью „Хохолъ“ глубоко тронуло меня своимъ сочувствіемъ къ моимъ статьямъ въ „Игрушечкѣ“ о Малороссіи. Простыя теплыя слова, вылившіяся изъ „щираго сердца“, я принимаю какъ одну изъ лучшихъ наградъ за мой трудъ.

Татьяна Лассекъ.

ОДНА ИЗЪ УЛИЦЪ ВЪ НЮРЕНБЕРГЪ.

Редакторъ-издательница **Т. ПАСЕКЪ.**

Доволено цензурою. С.-Петербургъ, 21 марта 1881 г.

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. № 11—2.